

Маргарита Жуйкова

Происхождение выражения *туда и дорога!* и славянские народные представления о двух видах смерти

Выражение *туда (кому) и дорога*, известное в украинском и русском языках, до сих пор не было объектом специальных диахронных исследований. Тем не менее фразема *туда (кому) и дорога* имеет в определенном смысле уникальные особенности, которые отличают ее от значительного числа устойчивых сочетаний и обнаруживаются на функционально-семантическом уровне. Это делает оборот *туда (кому) и дорога* интересным объектом для этнолингвистического анализа.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что он употребляется не для номинации ситуации, а для ее оценки или же для выражения отношения говорящего к определенному событию. Второй его особенностью является грамматическая самодостаточность. *Туда (кому) и дорога* — законченное предложение со своими модально-временными параметрами. Эти функциональные особенности отличают оборот *туда (кому) и дорога* от основного массива идиом, которые, во-первых, способны обозначать тот или тот фрагмент действительности (часто объединяя обозначения ситуации с ее оценкой), а во-вторых, лишены предикативности и включаются в предложения как один из его компо-

Маргарита Васильевна
ЖУЙКОВА

Волынский государственный университет им. Леси Украинки, Луцк, Украина

нентов. Вместе с тем фраза *туда и дорога* характеризуется типом значения, присущим именно идиомам: значение отдельных ее компонентов не является автономным, а переплавлено в семантике целой единицы. В этом легко убедиться, обратившись к словарным статьям. Так, четырехтомный словарь русского языка дает для выражения *туда (кому) и дорога* такое толкование: «Получил по заслугам, нечего жалеть» [Словарь русского языка 1985, Т. 1: 432]. Как видим, в семантике выражения исчезло содержание «перемещение в пространстве», которое задается компонентом «дорога», вместе с тем появились идеи наказания и отрицательного отношения к наказанному¹. Переосмысление исходного образа, который лежал в основе выражения *туда и дорога*, сближает его с идиомами.

В отличие от пословиц и предложений, в состав которых входят идиомы, высказывание *туда (кому) и дорога* имеет четко очерченные коммуникативные ограничения: оно употребляется как реакция на определенное сообщение. Поэтому наиболее характерной для него является коммуникативная ситуация диалога, см.:

Те же, кто стоял в центре круга, образованного подобными личностями, сами дали себе исчерпывающую характеристику словами, сказанными по поводу смерти другого великого русского поэта, М.Ю. Лермонтова. Брат царя, великий князь Михаил Павлович: «Туда ему и дорога», Николай I: «Собаке — собачья смерть». <...> Этим вполне завершается суммарный нравственный портрет той гигантской общественной пирамиды, которую поэт вызвал в лице Дантеса на поединок. В. Вересаев, Пушкин в жизни.

Как видно из этого контекста, один из участников общения, употребляя выражение *туда ему и дорога*, реагирует на сообщение другого. Содержание сообщения касается, как правило, смерти третьего лица. Прагматический смысл высказывания *туда и дорога* состоит в выражении отрицательного отношения говорящего к тому лицу, о котором идет речь. В приведенном примере его фактически дублирует формула *Собаке — собачья смерть*, в которой оценка выражена в более эксплицитной форме.

С помощью выражения *туда и дорога* говорящий достигает сразу двух иллокутивных целей. Во-первых, он высказывает свое одобрение по поводу того, что произошло или может с кем-то произойти. Во-вторых, он выражает свою резко отрицательную оценку поступков этого лица. Специфика выражения *туда и дорога* заключается в том, что его используют в тех ситуациях, которые касаются факта смерти человека или чего-то такого, что может быть в определенном смысле к ней приравнено (плен, заключения, суда, изобличения преступлений, тяжелого

¹ Ср. употребление слова *дорога* в пословице *где тревога, туда казаку и дорога*, где оно сохраняет значение перемещения в пространстве.

наказания, мучений и т.п.). Таким образом, этот оборот предназначен для того, чтобы высказать одновременно две оценки: неодобрительную — действий некоторого человека, и одобрительную — того положения, в котором оказался этот человек. Ближайшее по смыслу выражение *так ему и надо* во многом проигрывает в сравнении с *туда ему и дорога*, так как лишено высокой меры экспрессии последнего.

Указанные особенности выражения *туда (кому) и дорога* могут быть объяснены, если будут найдены ответы на вопросы о его первоначальном содержании и характере семантико-функционального развития.

Рассмотрим парадигматику оборота *туда (кому) и дорога*, т.е. те характерные связи, которые устанавливаются у него с другими единицами культурно-вербального кода.

Во-первых, это выражение входит в группу этикетных формул с фиксированной формой и содержанием, которые привязаны к определенным коммуникативным ситуациям. Оборот *туда и дорога* стоит в одном ряду с другими этикетными формулами — реакциями на сообщение о смерти человека. До нашего времени дошли средства как отрицательной, так и положительной оценки умершего. Среди последних такие: *Пусть земля ему будет пухом; Царство ему небесное; Упокой, Господи, его душу; Вечная память; Дай Бог легко в земле лежать, в очи Христа видать; Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки!; Мир праху, костям упокой!* (последние три см. [Даль 1997, Т. 1: 239]).

Эти выражения употребляются в ситуациях, когда говорящий хочет выразить свое положительное отношение к умершему, в норме совпадающее с отношением других членов того же коллектива. Христианский этикет требовал, чтобы человек, проговаривая такие фразы, крестился. В то же время при словах *туда ему и дорога* или иных, более экспрессивных выражениях (*Собаке — собачья (и) смерть, Жил собакой, околел псом* [Там же: 235], *Чтоб и не встал!*) было принято отплеиваться, чтобы защититься от возможного отрицательного воздействия покойника.

Существенно, что факт смерти трактовался в таких случаях как наказание за какие-то провинности, грехи, совершенные человеком при жизни, а поступки, которые привели к наказанию, или же сам этот человек резко осуждались.

Другую группу устойчивых выражений, в которую правомерно включить оборот *туда (кому) и дорога*, составляют различные сочетания с компонентом *дорога*. Нас будут интересовать только те, которые, подобно обороту *туда (кому) и дорога*, имеют грамматический статус предложения и четкую прагматическую нагрузку. Это выражения типа *скатертью дорога*, его украинский эквивалент *полотном дорога, иди (ступай) своей дорогой*, украинские *А щоб ти на добру путь не зійшов!* [Українські приказ-

ки... 1993: № 3693], *А бодай ти дороги не стало!* [Франко 1908, Т. 2: 33], *Запала би сі за ним дорога!* [Там же: 36]. Этим выражениям, как и заговорным формулам, приписывается особенная, магическая, сила. Они употреблялись в разных ситуациях: как при взаимодействии между людьми, так и при контактах людей с представителями потусторонних или враждебных сил.

Так, формула *иди (ступай) своей дорогой*, по данным В. Добровольского, служила в Белоруссии береговым средством от волков. «При встрече с волком или волками говорили: «*Здравствуйте, молодцы! Вы идите своей дорогой, а я пойду своей!*» Или говорили так: «*Ну, иди, пустыня, своей дорогой!*»» [Добровольский 1901]. Такой же формулой на Слобожанщине (восточная Украина) в XIX в. отгоняли ведьму, которая принимала образ животного. Увидев такое существо на дороге, говорили: «*Иди, поганко, геть; я йду своєю дорогою, а ти ступай по своїй*» [Иванов 1901: 463]. В Вологодской области России береговую роль играет выражение *Тебе дорога, нам другая*, обращенное к вихрю как воплощению потусторонних, вредоносных сил. Когда поднимается сильный ветер, кричат: «*Вихор, вихор, тебе дорога, нам другая!*» [Словарь говоров Русского Севера 2002: 134]. Таким образом, вербальные формулы, содержащие компонент *дорога*, могут использоваться в контексте взаимодействия человека с представителями чужого мира. Назначение таких формул, очевидно, состоит в том, чтобы закрепить размежевание пространства между людьми и нечистой силой и тем самым защитить человека от опасности.

Иную функцию имеет магическая формула с компонентом *дорога*, которая, по данным украинского этнографа Владимира Гнатюка, использовалась для того, чтобы найти дорогу. Речь идет о случаях, когда человека в лесу или ином незнакомом месте *водит блуд*. Тогда нужно согнуться, посмотреть между ног и сказать: «*Мені туди дорога!*» [Гнатюк 1904: 196]. Очевидно, нахождение дороги обеспечивается прежде всего самим переворачиванием тела. Это действие может интерпретироваться как выключение человека — жертвы нечистой силы — из пространственной структуры иного мира. Однако вместе с тем нельзя исключить и возможности воздействия на ситуацию самой магической формулы, произнесение которой способно разрушить границу, созданную вокруг человека, потерявшего ориентацию.

Таким образом, при встрече с существами демонической природы особое значение придавалось вербальным формулам, содержащим указание на *их дорогу*, т.е. часть пространства, предназначенную специально для нечистой силы, и соответственно, на *свою дорогу*, т.е. дорогу для людей. Для славянской народной культуры характерно представление о том, что каждая дорога разделена на две части: правую, по которой ходят люди, и левую, где движутся дикие звери и нечистая сила [Славянские древности 1999, Т. 2: 128]. Естественно, что человек, попадая

на ту часть дороги, по которой ходят демонические существа, подвергает себя опасности. Ср. быличку, записанную в Карелии: «*Охотника, расположившегося на ночлег на тропе, некто тронул за плечо со словами: двинься с дороги*» [Криничная 1993: 25]. В этой быличке отражено представление о том, что в лесу есть дороги (тропы), по которым ходит леший. Если человек пересечет такую дорогу, он может заболеть, сойти с ума или даже умереть (подробнее см. в нашей статье [Жуйкова 2003]).

С другой стороны, оставаясь в пределах своего пространства, т.е. *идя своей дорогой*, демонические существа или дикие звери не могут причинить человеку зла. См. в этой связи современную фиксацию представлений о взаимодействии медведя и коров в стаде, которое пасется в лесу (записано в Каргопольском районе Архангельской области):

Приходит [к пастуху человек и говорит:] «Там медведь ходит! Коровы ходят — медведь ходит!» [Пастух отвечает:] «А это евоное дело, туда-сюда, пускай он ходит — он своей дорогой идёт». И никогда у него не трогали скота [хищники] [Фольклор и пост-фольклор].

Употребляя обереговые формулы типа *иди своей дорогой; тебе дорога, нам другая*, человек как бы подтверждает то, что не посягает на пространство, принадлежащее демоническим существам, и вместе с тем требует, чтобы и его дорога оставалась свободной и безопасной.

Таким образом, в народном сознании четко размежевываются разные дороги: хорошие, благоприятные для человека, и враждебные, опасные, чужие. «Плохая» дорога понимается в народной культуре как чужой для человека локус, в котором опасно находиться. С такими дорогами, а также с местами, в которые они ведут, связывается представление о демонических существах. См., например, западноукраинское (бойковское) выражение *У верхи ти дорога!*, которое Иван Франко комментирует таким образом: «*Говорят злому, назойливому человеку, дескать, отвяжись, иди на верхи и на горы, куда отсылают злых духов*» [Франко 1901, Т. 1: 148]. Поэтому и асоциальные формы поведения человека, которые были неадекватны принятым нормам, осмысливались как нахождение в чужом пространстве, хождение по «плохим» дорогам.

Теперь рассмотрим выражение *туда (кому) и дорога* в лингвистическом аспекте. Тут важно обратить внимание на два момента. Выражение содержит локативный компонент *туда*. Это типичное дейктическое слово, которое в каждом конкретном коммуникативном акте наполняется иным содержанием. В актуальном употреблении оборота *туда (кому) и дорога* слово *туда* соотносится не с локативом, а с некоторой ситуацией, названной или имплицитно представленной в высказывании, причем это слово фактически утратило свое локативное значение. Однако очевидно, что при возникновении этого оборота под сло-

вом *туда* имелась в виду какая-то вполне конкретная часть пространства (несущественно, реального или воображаемого). Поэтому для установления первоначального смысла фраземы важно понять, какой именно фрагмент действительности был референтом слова *туда*.

Вторая лингвистическая проблема связана со значением слова *дорога*. Мы располагаем большим массивом магических формул с компонентом *дорога*; некоторые из них были приведены выше. В таких формулах это слово употребляется прежде всего в пространственном значении. Пространственный компонент может быть выявлен в семантике многих устойчивых выражений даже в тех случаях, когда дорога понимается в аксиологическом аспекте, как хорошая или плохая (ср. *А бодай ти дороги не стало! Иди в погану дорогу! Пся би ти дорога була!*). Как нам представляется, в выражении *туда (кому) и дорога* слово *дорога* следует понимать более расширительно — как номинацию некоторого общего направления жизненного пути, воплощенного в определенной последовательности событий. Хорошо известно, что концептуальная сфера перемещения в пространстве (путешествие по дороге) с древних времен используется в качестве предметного представления земной жизни человека, его судьбы. Такой способ концептуализации жизни отражен в многочисленных языковых явлениях. Для сознания носителей традиционной культуры жизненный путь каждого человека от рождения до смерти был полностью детерминирован, предопределен высшими силами. Можно предполагать, что слово *дорога* в обороте *туда (кому) и дорога* — это как раз то, что кому-либо было *написано на роду*, его судьба. К такому выводу мы приходим на основании анализа зафиксированных вариантов этого выражения и его употреблений, в которых оборот *туда и дорога* расширен компонентом *была*. См. у Ив. Франко *Туди йому і дорога була* с таким объяснением: «*пропал, так с ним и должно было случиться в соответствии с его характером*»¹ [Франко 1901, Т. 1: 40]. Важное свидетельство архаического осмысления выражения *туда и дорога* находим в произведении Алексея Писемского:

— *На-ка, какой закон нашел! Присудили хоть бы Федора Гаврилыча ни за что ни про что, за одно только смиренство его, присудили на поселенье, — экие, паря, законы нашли.*

— *Того и стоил, туда ему и дорога была, — произнес Яков Иванов, как бы сам с собой.*

— *Бог знает, кому туда дорога-то шла, — возразила Грачиха.*

А. Писемский, Старая барыня.

¹ Франко использует слово *вдача*, которое значит не только «характер», «привычки», но и «натура», т. е. природные, полученные от Бога свойства. Ср.: *Таку вдачу йому Бог дав; Така вже вдача собака* [Словарь української мови 1909, Т. 4: 318].

Событие, которое одному собеседнику кажется проявлением несправедливости, произволом властей, другой склонен объяснить как проявление предопределенности, судьбы человека. Это употребление свидетельствует о том, что в выражениях *туда ему и дорога была, кому туда дорога шла* речь идет о жизненном пути, судьбе, знать которую наперед может только Бог. Человеку остается только следовать Божьей воле и смиряться перед ней. Вполне очевидно, что для сознания носителей традиционной культуры было характерно такое осмысление судьбы, когда предопределенным был не только жизненный путь как последовательность событий, но и смерть, ее время и вид. В любой культуре этому событию всегда придается чрезвычайно важное значение.

Таким образом, выражение *туда и дорога (была)* первоначально отражало осознание детерминированности жизни и смерти человека и поэтому наделялось весьма важным для носителя традиционной культуры смыслом. Однако для установления первоначального значения этого выражения, понимания его функционально-прагматических особенностей следует найти те возможные ситуации, в которых оно могло употребляться. С этой же задачей связана и проблема установления референции действительного слова *туда*. Иными словами, речь идет о том, в какой ситуации первоначально использовалось выражение *туда и дорога* как законченное высказывание, какую прагматическую задачу говорящий мог решить с его помощью.

И тут, как нам кажется, уместно обратиться к характерному для народной культуры разграничению двух видов смертей, впервые описанному Д.К. Зелениным в книге «Умершие сверхъестественной смертью и русалки» [Зеленин 1995: 39–73].

К материалам, приведенным в книге Зеленина, добавим интересные данные об отношении к самоубийцам, собранные в Закарпатье в первой половине XX в. украинским этнографом Федором Потушняком. Эти сведения ученый опубликовал в статье «Самоубийцы в народных представлениях» [Потушняк 1941] и в ряде других своих работ.

Самоубийцы, согласно верованиям украинцев Закарпатья, отличаются от нечистой силы и от двоедушников, так как они остаются душами, которых «нигде не принимают», и мучаются, не находя покоя. Поэтому самоубийцы очень враждебно относятся к живым и стараются навредить им. Живые стремятся нейтрализовать опасное воздействие самоубийцы и для этого используют разные способы, например, подвешивают его за ноги, поднимают на вилы и носят по городу или селу, пробивают осиновым колом. Хоронят тело самоубийцы в неприступном месте или возле дороги. Наиболее опасным считается тот, кто повесился. Если есть возможность, его тело хоронят прямо там, где он повесился, «*чтобы біди не мав часу наробити*». Для этого сна-

чала выкапывают глубокую яму, после чего перерезают веревку и спускают туда тело. На таких могилах не бывает креста, ставится только кол. Каждый проходящий мимо места захоронения самоубийцы должен бросить туда комок земли, ветку, камень, чтобы откупиться от него. А тот, кто не откупится таким способом, попадет под влияние нечистого покойника и будет блуждать, не находя дороги. По представлениям украинцев Закарпатья, самоубийцы находятся на том месте, где приняли смерть, или же там, где их похоронили, и причиняют людям вред до тех пор, пока не придет конец их жизни на земле (т.е. пока они не проживут на земле предназначенный им срок). Местом захоронения заложных покойников, кроме пропастей и обочин дорог, часто является граница между селами (так называемый *хотарь*). То есть таких покойников отправляли преимущественно в чужое пространство, в нечистые локусы, где обитают различные демонические существа.

Вполне очевидно, что процедура захоронения заложного покойника сопровождалась произнесением некоторой магической формулы, которая играла роль оберега. Такая формула должна была нейтрализовать зло, направленное покойником на живых, оградить их от возможных актов мщения, воспрепятствовать его хождению после смерти. Возможно, что в этой ситуации был необходим магический текст и с иной функцией. Его назначение состояло в том, чтобы, говоря современным языком, «легитимизировать» отправление покойника на тот свет именно как заложного, признать его нечистым, опасным. В таком случае произнесение некоторой магической формулы было равносильно исключению умершего из категории «родителей», т.е. чистых покойников, и включению его в категорию заложных, для которых существовали особые места и формы захоронения. Такое разграничение, очевидно, было особенно существенно в некоторых спорных случаях, когда имелись основания причислить умершего и к категории «родителей», и к категории заложных. И хотя решение о включении конкретного покойника в категорию чистых или нечистых фактически принимали члены социальной группы, однако при этом они могли подкреплять свое решение ссылкой на предначертание, судьбу, Божью волю. Такой смысл как раз и передавался выражением *туда (кому) и дорога была*, что понималось так: именно таким образом этот человек должен был пройти и закончить свой жизненный путь, именно такова воля высших сил. Произнося выражение *туда (кому) и дорога* в ситуации захоронения заложного покойника, говорящий как бы снимал с себя ответственность за то, что считает его нечистым, и тем самым ограждал себя от мщения со стороны покойника. Таким образом, магическая формула *туда (кому) и дорога* выполняла одновременно две функции.

Дейктический компонент *туда* можно трактовать как ситуативное обозначение конкретного (каждый раз иного) места, где

хоронили нечистого покойника. Иначе говоря, со словом *туда* соотносился тот локус, который был конечной точкой перемещения тела заложного покойника (болото, пропасть, яма). Вместе с тем можно понимать слово *туда* и более отвлеченно, как обозначение ада, места вечных мучений грешников, поскольку, по народным представлениям, души нечистых покойников, а в особенности самоубийц, вечно находятся в аду. Интересно, что выражению *туда (кому) и дорога* могут сопутствовать другие обороты, в которых имеется прямое или эксплицитное упоминание нечистой силы или же ада. Так, в собрании М. Номыса рядом с *Туди й дорога!* как омосемичное помещено выражение *К чорту помаленьку!* [Українські приказки 1993: № 9543]. У В. Даля рядом с *Туда и дорога* находим *Давно пора и с головой туда*, т.е. на тот свет, в ад [Даль 1997, Т. 1: 191].

Таким образом, выражение *туда и дорога* отражает представления носителей архаической культуры о предопределенности жизненного пути, судьбы человека. По нашему мнению, его возникновение обусловлено разграничением двух видов смерти и, соответственно, двух видов покойников. Наиболее архаическая функция, которую выполняло это выражение, по-видимому, состояла в том, чтобы санкционировать причисление некоторого покойника к категории заложных, что означало его исключение из категории «родителей». В случае ошибки это могло привести к неблагоприятным последствиям (так же, как и захоронение нечистого покойника на кладбище). Поскольку любой покойник представлял опасность для живых, выражение *туда (кому) и дорога* одновременно использовалось и как апотропей.

Предложенная интерпретация позволяет понять, почему оборот *туда (кому) и дорога* стал устойчиво связываться с ситуацией «неправедной» смерти — смерти, которая рассматривается как наказание за грехи и поэтому не заслуживает сожаления, сочувствия членов коллектива. В современном языковом сознании это выражение оказалось переосмысленным, его первоначальные функции были забыты, а компоненты утратили свое прямое значение. Сейчас оборот *туда (кому) и дорога* служит для выражения отрицательного отношения к лицу, с которым произошло или может произойти нечто опасное, неблагоприятное. Несомненно, это рефлекс того времени, когда люди панически боялись нечистых покойников и стремились изолировать от них, защититься от их пагубного воздействия.

Библиография

- Гнатюк Вол. Знадоби до української демонології. Т. 1 // Етнографічний збірник Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 15. Львів, 1904.
- Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: Сборник: В 2 т. СПб., 1997.

- Добровольский В.Н.* Суеверия относительно волков // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 135–136.
- Жуйкова М.* Заколдованный круг // Живая старина. 2003. № 2. С. 16–19.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
- Иванов П.* Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 430–497.
- Криничная Н.А.* Лесные наваждения (Мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» леса). Петрозаводск, 1993.
- Потушняк Ф.* Самоубійці в народнім вірованю // Літературна неділя Підкарпатського об-ва наук. Роч. 1. Унгвар, 1941. С. 21–22, 31–32.
- Славянские древности:* Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
- Словарь* говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2002.
- Словарь* русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
- Словарь* української мови / Упорядкував Б. Грінченко: В 4 т. Київ, 1908–1909.
- Українські* приказки, прислів'я і таке інше / Уклав М. Номис. Київ, 1993. Вып. 2.
- Фольклор* и постфольклор. Архив. www.rutenia.ru/laborfolklore/archiv
- Франко Иван.* Галицько-руські народні приповідки: В 3 т. // Етнографічний збірник Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901–1908.